

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Художественное оформление серии — *Андрей Сауков*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Алекс Д.

А46 По ту сторону от тебя : [роман] / Алекс Д. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Прочитай меня. Откровенный бестселлер).

ISBN 978-5-17-120376-4

Когда нам девятнадцать, мы не думаем, что девочка, которую мы целуем сегодня, возможно, единственная из всего мира способна дотянуться до сердца, согреть его и забрать — незаметно, неумолимо. Мы уходим, глядя за горизонт, не оглядываясь, не сомневаясь, уверенные, что там, в будущем, нас ждут новые победы и свершения, красивые женщины и успех. Но только эта девочка из прошлого, из крошечного убогого города, не перестает жить в нашем сердце, и не имеет никакого значения, сколько пройдет лет, — ничего не изменится.

Она будет там. Но уже не моя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120376-4

© Алекс Д., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

— Это просто летний роман.
— Нет, это беда!

Николас Спарк
«Дневник памяти»

Москва

Мария

— **Ч**то ты тут делаешь? — Марк удивленно смотрит на меня, приоткрыв дверь. Хорошо, что он снимает квартиру, а не живет в общежитии. Было бы неловко приехать под вечер и в таком растрепанном виде предстать еще перед несколькими незнакомыми парнями. Я глупо улыбаюсь, не веря собственному счастью. Я вижу его. Боже, три месяца прошло. Как целая вечность. Мое сердце отчаянно колотится, заглушая разум. Я все смотрю и смотрю, отмечая каждую деталь. Густые ресницы, четко очерченные брови, чувственный рот, ссадина на щеке. Куда же без синяков и ушибов. Неугомонный Марк.

— Маша, прекрати улыбаться как идиотка. Зачем ты приехала? — Холодный тон немного отрезвляет меня, но я еще во власти эйфории. Безумно, бездумно, бесконечно счастлива. Я вижу его глаза, растрепанную шевелюру, сильные мускулистые руки, придерживающие дверь. Все тот же Марк. Только выражение глаз другое; чужое, отстраненное, с примесью раздражения. Я бледнею, ощущая, как на смену любовной горячке приходят ледяной страх и смущение.

— Извини, я думала... — лепечу растерянно.

Марк сердито передергивает плечами и, схватив за руку, грубо затаскивает в квартиру. Хлопнув дверью, иронично рассматривает меня с головы до ног. Я сбежала на вокзал сразу после занятий в школе. На мне поношенное серое приталенное пальто, из-под которого виден подол клетчатой юбки, кожаные ботиночки без каблука, в руках школьный рюкзак и пакет со

сменной обувью. Волосы заплетены в простую густую косу. Но зато я накрасила губы и ресницы, пока ехала в поезде.

В глубине его глаз я вижу вспыхивающие смешинки и чертики. Это мой Марк. Он любит подтрунивать надо мной по любому поводу.

— Мама в курсе, что ты здесь? — его тон все так же невыносимо холоден.

Я потерянно переминаюсь с ноги на ногу, пока он грозно вышашается надо мной.

— Маленькая дурочка. — Марк качает головой, в его взгляде бесконечное сожаление. — Давай раздевайся.

Он помогает снять мне шарф и пальто. Потом я плетусь за ним на кухню. Квартира чистая и уютная. Удивительно, что двенадцатилетний парень поддерживает свой дом в порядке. Как у него на все времени хватает? Хотя эту задачу мне не решить никогда. Марк — вундеркинд. Самый что ни на есть настоящий.

Только выглядит он не как чахлик-ботан в очках, а как модель для рекламы мужского нижнего белья. Пока я тихонечко пью свой горячий чай с засушенным пирожным, Марк сосредоточенно изучает что-то в своем ноутбуке, полностью игнорируя меня.

— Почему ты злишься? — спрашиваю я, не выдержав напряжения. Марк бросает на меня раздраженный взгляд.

— Потому что ты — глупая маленькая девочка. Я думал, что мы все решили! Отец явно дал понять, что если мы не прекратим, то меня ждут крупные неприятности. И у меня нет оснований ему не верить. Он выкинул меня из дома, лишил материальной поддержки, запретил приезжать домой даже на каникулы. И ты считаешь, что после всего этого я буду счастлив тебя видеть? Ты серьезно? — он вскидывает бровь, и я вся сжимаюсь под этим обвиняющим взглядом. Мне ужасно стыдно, по моим щекам текут слезы, которые я не в силах сдержать.

— Я поеду домой, — потерянно бормочу я, пытаюсь встать. Он хватает меня за руку, рывком заставляя сесть на место.

— Сидеть! Домой она поехала. Следующий поезд до Твери только в семь утра. Ты понимаешь, что еще больше усложнила ситуацию? Они подумают, что мы тут черт знает чем занимались! Тебе не пять лет, ты должна хоть немного думать не только о себе, — раздраженно отчитывает меня Марк.

Я молчу. Что мне еще остается? Но от чувства несправедливости сводит зубы. Он сваливает всю ответственность на меня, словно я одна виновата в том, что произошло. Словно я это начала. Хотя, может быть, и я, но все равно обидно... От горечи и боли поток слез только усиливается. Марк нервно меряет широкими шагами кухню. Никогда не видела его таким взбешенным и напряженным.

— А гостиница? — перестав всхлипывать, начинаю думать конструктивно, искать варианты.

— У тебя есть деньги? У меня — нет. Я тут выживаю как могу. В МГУ учиться недешево, а еще если родные мать и отец предпочли тебя бесконечной толпе приемышей... — Он осекается, заметив, как я, широко распахнув глаза, с недоверием и потрясением смотрю на него.

— Это и я тоже? Да? Приемыш? Так ты считаешь? — Мой голос дрожит, набирая силу. — Но, знаешь, каждый рубль мы отработали сполна. И давай не будем забывать про пособия, государственные премии и награды, которые получают родители. То, что они делают, нужно прежде всего им самим.

— Как ты запела! — криво усмехается Марк. — Забыла, как тебя три месяца назад чуть не отправили обратно в интернат? Но нет, тебя опять понесло на подвиги.

— Никто бы не отправил меня в интернат, Марк. Я думала, что ты тоже скучаешь и хочешь увидеть меня, — тихо произнесла я. — Думала, что мы любим друг друга.

Марк резко и неприятно смеется, глядя мне в глаза. Его показное пренебрежение не настолько неожиданно, насколько унижительно. Никогда не думала, что Марк может быть так жесток.

— Ты красивая девушка, и у тебя сногшибательная фигура, и я просто трахнул тебя, потому что ты сама хотела, — безжалостно заявляет он. — Наверное, мне не стоило этого делать. Потому что ты слишком молода, и мы нарушили табу на отношения в семье, и в итоге все открылось. Однако я уже наказан, поэтому не считаю, что должен извиняться за то, что говорю правду. Скажи, в каком месте я сейчас тебя обманул?

Наверное, после демонстрации недовольства моим приездом последние слова не стали откровением. Я не понимаю, для чего или для кого он устроил этот фарс. Понятно, что ни он, ни я не верим в произнесенные слова.

— Ты скажи, Марк, — произношу я холодно. Мои слезы высохли, но внутри все горит и плачет.

Заметив перемену во мне, он натянуто улыбается.

— Я уже все сказал, — равнодушно отвечает Марк. — Я постелю тебе на кухне. Через полчаса ко мне придет девушка. Будь добра, веди себя разумно и тихо.

Я отшатнулась, словно он меня ударил. Да, вот это действительно больно. В его лице что-то мелькает, и Марк протягивает руку, чтобы коснуться меня, но снова прячется в своей скорлупе подонка и, сжав руку в кулак, убирает за спину.

— И она останется на ночь. Утром мы проводим тебя на вокзал. — Это доносится уже из комнаты.

Я обреченно опускаюсь на небольшой диванчик у стены, на котором мне, по всей видимости, придется спать. Я не могу поверить, что все происходит наяву, а не в страшном сне. Еще два часа назад я была счастлива, я ждала встречи с парнем, который стал моей первой любовью и лучшим другом с момента, когда я переступила порог дома приемной семьи. Я была номер восемь. Сейчас у родителей пятнадцать детей и они наконец-то решили остановиться. До ухода из семьи Марка нас было десять. Еще пятеро покинули дом раньше, завели собственные семьи. Но даже десять — это много. На самом деле мы все разные и по-своему привязаны друг к другу, но Марк с самого начала стал для меня близким человеком. И когда он говорит такие страшные вещи, я не могу поверить, не могу принять... Это невозможно.

И я не понимаю зачем? И за что?

Только когда приходит его девушка, на меня накатывает реальность, разительно отличающаяся от моих фантазий. Она высокая и стройная, и ей явно больше восемнадцати. «Что за девочка?» — спрашивает она у Марка манерным голосом. Я не могу отвести глаз от ее красного рта и рыжих волос. Юбка едва прикрывает ягодницы, декольте ничего, вообще ничего не скрывает. Если так выглядит его тип идеальной девушки...

— Да так, — небрежно пожимает плечами Марк, прихватывая девицу за задницу. — Родители прислали одну из сироток кое-что передать.

Они уходят в комнату, закрывают за собой двери, и я остаюсь на кухне одна. Сиротка. Сиротка... Это он обо мне.

Закрываю глаза, опуская голову на подушку. Мне не во что переодеться, поэтому я сняла только пиджак и колготки. Накрылась до подбородка пледом, который пах шерстью и Марком. Вспоминая наши совместные моменты из детства, начинаю беззвучно всхлипывать. Я невольно прислушиваюсь к звукам смеха и разговорам за стеной. Им там гораздо веселее. Пытаюсь отвлечься и уснуть, но ничего не выходит. Мое сердце слишком болит и ноет. Я сгораю от стыда за свою самонадеянную глупость, которая привела меня сюда. Через час я уже измучена своими терзаниями так, что готова провалиться в беспамятство, но звуки в соседней комнате заставляют меня подскочить на месте. Конечно, я понимаю, что девушка такого вида не чаю пришла попить, но нельзя хотя бы не делать «это» так демонстративно громко. То, что я сейчас чувствую, не передать словами. Мне шестнадцать, а в таком возрасте девочкам кажется, что их любовь вечная и единственная и самая сильная, и никто так еще никогда не любил.

Я проплакала всю ночь, уткнувшись лицом в подушку, чтобы заглушить рыдания. Утром она насквозь промокла от моих слез. А мое сердце разбилось вдребезги.

Первая любовь часто бывает несчастливой. Мой же случай отвалил меня от новых попыток завязать отношения на долгие годы. Ведь Марк был не просто парнем, не просто первым любовником. Он — единственный и близкий мне человек. Можно забыть предательство человека со стороны, случайного... Но с нами все было иначе. Я любила его всеми фибрами своей души, всеми гранями этого чувства, которое он с такой легкостью отбросил прочь.

Утром я не заметила, как ушла девица с алыми губами и задатками порноактрисы. Пребывая в состоянии полной прострации, я не заметила появления на кухне Марка, который неожиданно проявил ненужную уже заботу и сварил мне кофе.

— Что с твоими глазами? — хрипло спросил он, садясь рядом. Меня затошнило. Я больше не хотела его видеть. Он отрезал меня от себя. У него получилось. И когда я подняла на него свой взгляд, это были мои последние слезы из-за мужчины. Я ничего не сказала, но, видимо, Марк и так все понял по выражению решимости и презрения в моих глазах.

Он встал, чувствуя исходящую от меня негативную энергию. Наши взгляды все так же были скрещены.

— Так будет лучше, Маш. Ты поймешь потом, когда вырастешь, — произносит он и разворачивается ко мне спиной. — Через два месяца я улетаю в Штаты. Буду учиться в Голливуде, в школе каскадеров. Было чертовски сложно, но я прошел отбор заочно и меня рекомендовали влиятельные люди из нашего университета. И да, я бросаю МГУ. Можешь передать родителям, что я получил стипендию и сам справлюсь. Если придется, то буду работать ночами. Мне ничего от них не нужно. А еще можешь сообщить, что в начале прошлого года я перевелся с экономического факультета на факультет искусств. Не судьба сбыться их планам о великом математике или успешном бизнесмене.

— А меня ты за что наказал? — спросила я, вставая из-за стола. Быстро, нервной походкой прошла в прихожую и начала судорожно одеваться. — Удачи тебе в Америке. Доберусь до вокзала сама.

Мы замерли у дверей напротив друг друга.

— Ты прости меня, Машка, — произносит Марк. В его темных глазах ничего нельзя прочесть. Чужие, далекие, отстраненные. — Мне казалось, это так — игра. Мы были детьми, потом выросли. И что-то такое возникло между нами. Попробуй отнестись к случившемуся как к эпизоду, неудачному опыту. Забудь меня. Так будет лучше.

Его взгляд застывает на мне, на моих губах. Протягивая руку, он касается моих волос, выбившихся из косы, заправляет за ухо. Такое нежное прикосновение, такое до боли знакомое и бессмысленное после всех сказанных слов.

— Скоро между нами будут океаны. Я буду скучать по тебе, моя маленькая Джульетта. — Печальная улыбка трогает его губы. — А ты даже не вздумай.

Марк наклоняется и касается губами моего лба. Я слышу его судорожное дыхание. Он держит меня за плечи слишком сильно, словно боится отпустить, а потом резко открывает дверь, позволяя мне уйти из его комнаты и жизни на долгие-долгие годы.

Мне шестнадцать лет, и мое сердце разбито. Конец света, ни больше ни меньше. А для него — всего лишь эпизод.

Глава 1

*Несмотря на то, какие испытания
могут разделить нас, мы всегда найдем
способ вернуться друг к другу.*

К/ф «Клятва»

Пять лет спустя, Тверь

Мария

— **М**аш, ты не можешь танцевать в клубах бесконечно. Мама рано или поздно узнает, и тебе влетит, несмотря на то, что ты совершеннолетняя. Правила действуют, пока ты живешь здесь. Я молчу, что будет, если отец пронюхает. — Стелла забрасывает на стол длинные ноги, открывая флакончик с лаком для ногтей. Она красивая, стройная и кажется слишком взрослой для своих пятнадцати лет. Умная, целеустремленная; отличница и многократный областной чемпион по плаванию на коротких дистанциях. Я была совсем другой в ее возрасте, не хватала звезд с неба, училась средне и влипала в не самые красивые истории. Родители хоть и не произносили вслух, но давно смирились с тем, что я самый непутевый член нашей многочисленной дружной семьи. Дружной — это не в кавычках. Мы и правда очень дорожим друг другом. Так нас воспитали.

Сейчас с родителями осталось только семеро детей. Самая младшая — Миленка, ей девять, и она почти хакер. Представляете, до какого уровня мне нужно тянуться? Нет?

Тогда я поясню.

Сейчас я почти самая старшая из тех, кто до сих пор висит на шее у приемных родителей. Если думаете, что наше государство настолько щедрое, чтобы обеспечить подобные семьи всем необходимым, то ошибаетесь. Если вам почему-то взбрело в голову, что родители берут в семью больше десяти человек, рассчитывая на пособия и льготы или руководствуясь другими

меркантильными соображениями, то тоже ошибаетесь. Попробуйте воспитать хотя бы пятерых, даже если ваш дом — полная чаша. Сами воспитать, без помощи нянь, репетиторов и других приходящих людей. И не просто воспитать, а выпустить в мир достойных людей, специалистов, самостоятельных и успешных.

Мои родители не суперлюди. Они живые, настоящие, со своими слабостями, но с сильными несгибаемыми принципами. И они, как бы правильно выразиться, утописты, мечтатели, которые вознамерились создать свою модель идеальной семьи. Пара трещин случалась, но в целом им удалось. Самым главным промахом стали я и... Марк.

Родители так много времени отдали приемным детям, внимания, любви и заботы, но при этом не смогли удержать родного сына, который больше пяти лет назад покинул не только город, но и страну. Не знаю, как им удалось пережить подобный удар, но сейчас, немного повзрослев, я понимаю Марка. Не могу его осуждать. Мы начудили, конечно, но я ставлю себя на его место и осознаю, почему все так случилось. Марк был лучшим из нас. Самым умным. Ему удавалось все, за что бы он ни брался. А брался Марк за многое. Когда он пошел в первый класс, мама выпустила книгу, точнее, пособие «Как вырастить вундеркинда». И даже премию какую-то получила. Родители очень им гордились, но никогда открыто не демонстрировали свои чувства, и сторожили больше, чем остальных. Но ребенок есть ребенок, и ему обидно, что его, родного, любят вроде как меньше, чем приемных, хотя лично я разницы не замечала. И когда Марк на три года раньше сверстников окончил школу, то рассчитывал на какое-то особенное отношение родителей, но они только сильнее давили на него своим авторитетом и новыми образовательными программами; хотели, чтобы он стал гениальным математиком, ученым. И Марк мог бы! Сколько математических олимпиад было выиграно. И притом что зубрилой Марк никогда не был. Просто чудо природы какое-то. Да еще умудрялся активными играми увлекаться. Футбол, волейбол, карате, теннис и даже скалодром. В семнадцать увлекся мотокроссом (мотоцикл у него был и раньше, но он только в частном секторе мог ездить), чем чуть не свел с ума родителей. Но он на тот момент уже в МГУ учился, и им было сложнее его контролировать. Когда в первое лето каникул Марк приехал на месяц позже, сообщив, что уча-

ствовал в соревнованиях по гребле на байдарках на озере Байкал и лазал по горам Урала, то предки поняли, что бесполезно сражаться с его чрезмерной активностью, и смирились. Сложнее было смириться с кое-чем другим. Но это отдельная история. И закончилась она некрасиво. Я могла бы чувствовать себя виноватой, если бы на тот момент была чуть старше.

Вернемся к нашей идеальной семье и самородкам, которых она взрастила.

Итак, мою маму зовут Елизавета Красавина, сейчас ей пятьдесят семь лет и она все еще полна сил. Отец — Дмитрий Красавин, недавно отметил шестидесятилетний юбилей. У обоих высшее педагогическое образование. Мама — учитель начальных классов, папа закончил физвос. Мы живем в частном секторе, в пригороде Твери, в просторном и уютном доме. Два этажа, гостиная, спортзал, шесть спален. Не у всех детей есть возможность занимать отдельную комнату, но я на данный момент живу одна, чему безумно рада. У нас имеется приусадебный участок, двенадцать соток, на котором помимо бесконечных грядок находятся баня, летний домик, огромный гараж для трактора, мотоцикла, культиватора, «газели» и семиместной подержанной иномарки. Родители считают, что дети с детства должны приучаться к труду, и поэтому, помимо работы на земле, нам еще приходится ухаживать за многочисленной скотиной: кролики, птица, коровы, козочки, свиньи. Куда без хрюшек?

Только не подумайте, что нас тут используют как рабочую силу. Это не так. Существует четкое расписание, которое составляется с учетом многочисленных нюансов. Меня, например, ни разу не заставляли делать что-то, если я не хотела. Всегда можно поменяться обязанностями с братом или с сестрой. Не хочешь полоть картошку, иди мой посуду. И мама с папой не сидели дома у телевизора, пока мы пахали в хлеву или на грядках. Нет. Они всегда были рядом. Работали с нами, даже больше нас. Естественно, мы жили своим хозяйством, ну и на пособие, которое платило государство. На питание уходило не очень много, потому что в доме всегда было полно скотины и запасов с огорода, но вот с одеждой приходилось туго. Мы не жаловались. Никогда и ни на что. Небалованные. Никто из моих братьев и сестер ни разу не загремел в полицию, не украл, не стал участником скандала или заварушки. И когда три года назад мама получила пре-

зидентскую премию «Родительская слава», мы собрались все вместе в саду, потому что в гостиной не хватило бы места для родителей и четырнадцати детей, у некоторых из которых уже появились свои дети... и это было такое счастье. Отец сиял от гордости, но в то же время в его глазах, как и во взгляде мамы, читалась затаенная грусть. Пришли поздравить все, кроме родного сына. Конечно, Марк не смог приехать. Это не из Москвы на электричке прикатить. Он даже не знал про награждение, потому что с момента отъезда в Америку прекратил любое общение с родителями и с нами.

Маме было всего двадцать пять лет, когда она и ее муж приняли решение удочерить первых своих близнецов. Света и Юля. Новорожденные. Я знаю, что родители девочек погибли в автокатастрофе. Отец вез беременную жену в роддом, когда случилась трагедия. Малышек чудом спасли, выносили. Лиза училась на одном курсе с мамой близнецов, и поэтому эта история ее так задела. Она не могла остаться равнодушной, учитывая тот факт, что родственников у девочек не осталось. Оба родителя были детдомовскими. Лиза долго не решалась сказать мужу о своем желании взять малышей в семью. Тогда они сами жили в однушке, работали в школе за гроши и о своих детях даже не мечтали. Но сложилось так, как сложилось. На семейном совете было принято решение. Девочек сначала взяли под опеку, а через год удочерили.

Через два года девушка из органов опеки во время очередной проверки рассказала трагическую историю о мальчике, которого недавно распределили в дом малютки. Мамаша уснула пьяная или в наркотическом дурмане. Вся семья, включая двух сестренок, погибла в пожаре, а он выжил, не получив ни одного ожога. Вынесли из огня пожарные. Родился в рубашке, так сказали. Артур. Тоже новорожденный. Мама хотела съездить, чтобы просто отвезти кое-какие вещи, оставшиеся после девочек. Ну и вернулась в слезах. Через месяц они с отцом уже готовили документы на усыновление. Продали квартиру и все вместе с тремя детьми переехали за город.

Дом рос вместе с количеством членов семьи и широтой души моих родителей. Я знаю, что они любят всех нас. Гордятся нами. Хотят, чтобы мы выросли достойными людьми.

Свете и Юле сейчас тридцать два года. Обе закончили московскую медицинскую академию и работают по специальности

в Москве. Юля стоматолог, Света — детский хирург. Обе замужем. У каждой дети родились. А Артур, тот мальчик, чудом спасшийся в пожаре, стал священником. Сейчас ему тридцать, работает в местной церкви, женился пять лет назад, двое сыновей и жена, девочкой беременная. Стоит ли говорить, что Артур частый гость и духовник нашей многочисленной семьи?

Следующим пополнением были близнецы-двугодки. Родители питали слабость именно к близнецам. Всегда их смотрели в первую очередь. И так, следующие. Вика и Максим. Родители трагически погибли. Очень талантливые дети. Тоже упорхнули в Москву, закончив школу. Закончили МГУ, факультет искусств. Вика работает актрисой в театре, а Максим — модный фотограф. Сейчас им двадцать шесть каждому, красивые, успешные, свободные, материально независимые. Приобрели небольшой таунхаус в ближайшем к Москве пригороде.

Шестым стал Артем. Мать — поэтесса, умерла от рака, отец неизвестен. Взяли годовалым. Сейчас ему двадцать два года. Здоровенный, высоченный красавец-блондин с голубыми глазами. Нас часто принимают за родных, потому что мы похожи внешне. Немного отставал в умственном развитии, но мама вытянула. Отец натаскал в физическом плане. Сейчас у Темыча контракт с успешным российским хоккейным клубом и он уже два года мотается по соревнованиям. Купил особняк в Москве и живет на широкую ногу. Я дважды останавливалась у него на лето, пока пыталась попасть в МГУ на юрфак, но оба раза провалилась. Параллельно пыталась попасть в хореографический колледж, но и здесь меня признали недостаточно талантливой. Вот такая я. Пирожок ни с чем. В семье не без уроды, как говорится.

Седьмым ребенком в семье стал *Божий дар*, как однажды выразилась бабушка Люба. Она умерла, когда мне было восемь лет. Хорошая была женщина. Веселая, с юмором.

Мама забеременела Марком в тридцать три года. Именно он стал седьмым. Сразу две библейские важные цифры. Тридцать три — возраст Христа на момент его распятия, а семь — число дней для сотворения мира. Марк начал «чудить» сразу. Лизе Красавиной ставили бесплодие с двадцати лет. И забеременеть в тридцать три, и выносить без малейшего осложнения и нареkania врачей уже было событием особенным. Артур говорил,